

ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ

— ЖЕ МЕСЯЧ Н Ы Й —
О Б Ш Е С Т В Е Н Н О - П Е Д А Г О Г И Ч Е С К И Й
— К У Р Н А Л —

Орган Сибирского Краевого
Уддела Народного Образования

№ 4 (38)
Апрель
1927

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

разрешение на лежащие в лесу бревна, сплести их, приплатили в село и сделали приличный мостик с перилами для перехода через речку. Крестьянин, живший на берегу речки, решил не отставать от нас и поспешил делать ступеньки в горе по дороге на наш мостик. Даже старухи и те лагодарят «сорванцов», из которых «толку не будет». Не обошлось и без сурьезов, присущих, повидимому, всякой «летней школе». Уже после уборки трупов реянт приходили на экскурсию с лопатами. На улице возле одного дома валялся труп кошки. Ребята останавливаются, роют яму здесь же и закапывают кошку. После этого спокойно уходят дальше. Старуха, хозяйка дома, страшно перепугалась и все допытывалась у соседей, не штрафуют ли ее за антисанитарию.

Опыт работы показал, что «летняя школа» привиться может, но необходимо все же иметь точно конкретизированный план работы—это волевых, а во вторых—не вести ежедневно занятия, так как это убьет охоту у реянт посещать их. Можно еще указать и на третье условие—план работы школы должен быть построен так, чтобы можно было его менять на случай ненастной погоды.

Родителями был у нас договор: если ребенок нужен для работы, то он может в рабочие дни не посещать школу, в свободное же время пусть идет в нее. Это сразу обезоружило заявлявших, что дети нужны за полевые работы (фактически дети заняты бывают в среднем 5 дней в месяце).

Связав работу школы с полевыми работами, безусловно, можно получить более ценные результаты. Характерное явление: в IV гр. не посещали «летней школы» дети более состоятельных граждан. Школьный совет лишил их права получить удостоверения об окончании. Переводы учащихся в следующие группы сделаны тоже по принципу: тот переводится, кто закончил учебный год полностью. Исключение сделано только для тех, у кого имелись уважительные причины: болезнь, наем на работу, отсутствие одежды и т. д.

Работа в первую группу с весны не делали: слишком много нового давай нельзя сделать.

Егор Итыгин.

Ю Чебаковскому району.

Чебаковский район находится в северной части Хакасии. Это самый отдаленный район и, как всегда в таких случаях водится, самый забытый в смысле обслуживания его окружным центром. Здесь коренная кызылия, состоящая из 10 родов местных хакассов, искони ведущих напряженную борьбу за свое существование, частично метизировавшихся, но в общем сохранивших свою самобытность. Суровая природа с климатом, присущим всей подтаежной и таежной местности Алтайской горной зоны, закалила кызыльца, сделала из него охотника, промышленника. Он и на свое сельское хозяйство смотрит сплошь и рядом, как на промысел. Родился хлеб—хорошо; померз—кызылец не унывает. Он идет в тайгу, добывает рыбу, бьет зверей, собирает ягоды, орехи, «моет» золото. На ошанине, на дровах, десе и сене строит он свой неказистый бюджет и таким образом выходит из положения.

Ю кызылец еще легкомысленно верит попу и не прочь послушать мамана и, хотя скуповато, но все же кое-что дает попу от своей щедрости. Однако, шаманизм, как культ, у кызыльцев не существует.

Ее то в соседних кочинцах Белоисского рода. Здесь, например, недавно имел место такой случай. У хакасса Спирина заболел ребенок. Кричит, горит, как в огне. Родители в панике. Хакассы чадолюбны. Дети всегда ледеют и не бьют, как это водится у других «культурных» национальностей. На родительском совещании Спирины решили обратиться к шаманке. Эта дошдая пройдоха, лет 26, приятельница соседнего попа, немедленно явилась, пошаманила и говорит: «Выгони из твоего дома сельсовет, и сын поправится». Крякнул мужик, сам человек советской линии, ю делать нечего, пришлось выполнить распоряжение шаманки.

Вайонное селение Чебаки расположено на правом берегу Черного Юса. Еще так недавно Чебаки составляли центр местной золотопромышленности и были полны разного рода предпринимателями; но вся эта коволика, отличившись в колчаковщину, разбежалась в разные стороны, оставив по себе памятник — могилу побитых ими большевиков, человек 150. Состав населения в Чебаках пестрый: тут и старожилы хакассы, и рядом с ними рабочий, промысловый пролетарий. Культурно-просветительная работа поставлена в Чебаках удовлетворительно. Здесь имеется школа 4-х летка, которую намерено развернуть в 7-ми летку; есть клуб, изба-читальня, библиотека. Помещения клуба и школы заново отремонтированы. Тут видна хозяйственная рука РИК'а. Крестьяне довольны и РИК называют «молодчиной». В клубе по праздничным дням бывают спектакли, проводится массовая работа. При клубе же и изба-читальня.

3 первых числа января занятий в школе еще не было. Шла учительская конференция. Окружный инспектор тов. Шурышев, выдвиженец хакасс, еще молодой работник, делал доклад. Плавная деловая речь касалась преподавания по комплексному методу «в условиях Хакассии». Усвоение формальных знаний должно быть результатом проработки материала ю комплексу. Доклад задевал самое больное место здешнего учительства. Вызвал много вопросов.

3 переерыв веду беседу со старыми знакомыми педагогами. Все в один голос говорят, что дела налаживаются, что школа становится популярной, необходимой в современной жизни, что запрос на школу велик. Надо сказать, что Чебаковский район более других районов Хакассии пострадал от бандитизма. Со второй половины 1920 года и до 1925 года здесь свирепствовало несколько разбойничьих шайк. Школы и другие учреждения были разорены. Погиб архив бывшего Кызыльского ВИК'а. Уничтожены все библиотеки школ. Разбито, сожжено или расхищено почти все более или менее ценное имущество как частное, так и общественное. Население в те года обнищало. Тиф его добивал. Школы «задохли». Учителя не было видно.

Ю вот Хакассия в январе 1924 года становится самостоятельной административной единицей. Борьба с бандитизмом дает положительные результаты. Уже с 1925 года Чебаковский район живет в «мирных условиях». Население с благодарностью отзывается о своих избавителях от банд.

Теперь крестьянское хозяйство заметно растет. Нет былого голода. Исчезает разруха. Учителя развертывают свою работу. Они и в школе, и в ликозее, и в избе-читальне. Многие из них состоят членами сельсоветов, ревкомиссий и работают в кооперации. В начале 1924 года по Хакассии юсно работало восемь школ. Остальные же числились на бумаге. Учительские сидели без жалованья и кое-как влачили свое тяжелое существование.

«теперь у них совсем иной вид. Теперь это преобразенные новые люди. Почти исчезли остатки прежнего недоверия. И учительство и комсомол начинают вести единую культурную работу в деле постановок, докладов, чтюк в избе-читальне и пр.

— Нет, вы непременно приезжайте к нам на места, и вы увидите, какая у нас перемена,—приглашали меня старые приятели.

— Ну, а как у вас дело по части отопления и всего прочего? Как идут вам навстречу и как помогают школам наши советские низовые работники?

— Теперь совсем другое дело. Все идет без перебоев. Школа и света, и тепла, и отремонтирована. Мы от РИК'а аккуратно получаем жаванье с колышковкой. Словом, мы довольны,—говорили мне учащие.

В поездку я посетил одиннадцать школ Чебаковского района. Все они помещаются в просторных избах. Более благоприятное впечатление по своему удобству и внешнему виду производят школы—Чебаковская, Костинская, Малоозерская, Божьеозерская, Парнинская, Косоложенская и Токская. У них по две и даже больше классных комнат, украшенные портретами вождей, лозунгами, плакатами, гирляндами. Имеется классная кебел. Везде чистота, тепло, кроме Подкаменной школы, где, по вине предсельсовета, школу нечем было топить, и занятий в день моего приезда не было. Дети прилично одеты, держат себя непринужденно. Отвечают, не стесняясь, читают, передают прочитанное, решают задачи и поют, хотя и не везде, революционные песни. Малыши знают Ленина и говорили мне, что он «особенно любил хакассов», а «также и рабочих и крестьян». Все пишут, рисуют. У детей хакассов очень развит механизм чтения, и явля случаи, что читающий не понимал того, что он прочитал.

Некоторые школы наполнены до отказа. Есть по 50 и более учащихся в группе, но есть и наоборот. Эти явления я все же в большинстве случаев объясняю личностью учащего. В общем же тяга к просвещению у населения велика.

— Без грамоты—гибкое дело,—уверял меня ящик хакасс,—куда ни повернись, везде нужна грамота. Даже козовать (стрелять диких коз) здесь, и то грамота нужна.

А совершенно верно: пережитые населением революция и ее последствия—гражданская война и бандитизм, огромной важности экономический фактор—проведение через всю Хакассию железной дороги и т. д.—все вместе взятое вышло из старой колеи обывателя, жителя улуса. Его интересы теперь вовсе не те, что были у него до революции. Отсюда и подходы школьных работников к населению должны быть иными, современными, с революционной подоплекой. Чем объяснить явление, когда на ликпункт запишутся вначале чуть ли не всем обществом, а после двух-трех, много пяти уроков ликпункт начинает таять, и там остаются одни малыши? Всем чем угодно, но только не индифферентностью населения, не тем, что оно не желает, следует объяснить это массовое явление. Сущность новая, а методы старые, прогнившие, обломки давно отжившей холостики.

Этот вам реальный пример.

В одном из больших улусов Чебаковского района гражданам надоело просить отдел народного образования об открытии школы. Они решили открыть «свою школу».

— Ну, и пропади они пропадом и с их школой и с учителькой! Сложимся. Все мы детные. Учить ребят надо. Выберем учителя своего, и дело пойдет...

После долгих споров, криков, разговоров, учителем выбрали Ивана Парамонича, с платою по 3 рубля в год с ученика, и дрова готовые. Это было в начале ноября 26 г. Когда я приехал в улус К., то у детей были каникулы—«святки», и поговать в школе мне не пришлось. Вечером, после ухода от меня Ивана Парамонича, хозяин квартиры мне говорил:

— Вот, брат, деляга парень, бывалый. Военную службу в Иркутске походил и тоже оборолся, буржуев бил, и все за нас, за крестьян. Выбавали его учителем, да уж больно крику много. Мимо школы пройти аж страшно. А мужик дельный.

Далее я узнаю, что в школе учится человек 50; что учителя выбрали единогласно на сельском сходе.

Позднее чем через полмесяца я вновь приехал в улус К. Увидев Ивана Парамонича, я крикнул ему, что приду в школу. «Учитель подошел ко мне и упавшим голосом сообщил, что школы уже нет, что дети *сами разошлись* и не стали учиться. Меня это несколько не удивило, так как я уже сделал заключение об этом ловком мужичке в серой поношенной шителе. И ясно определил его по его заявлению, совершенно безграмотному, которое он «дерзнул» написать в ОЮ, прося об утверждении его учителем. Из дальнейшей беседы узнаю, что занятия продолжались около двух месяцев.

— Да как вы занимались?—начинаю я его выпрашивать.

— Да так, когда три, а когда и четыре буквы в день учили.

— А именно?

— Да вот просто: задашь ему, примерно—«ке», «ме», «ле» выучить вперед, назад, да в разбивку, да и «повторить» старое... Вот и все, и то как-то не могут запомнить: не то память плоха, не то лентяи. Другой долбит, долбит; «ке», «ле», «ме», «ке», «ле», «ме», а спросишь... тучь бы што!

И похвалил ребят за то, что они правильно сделали, что разбежались. Предложил Ивану Парамоничу вперед не своим делом не заниматься, детей не кадечить и граждан не обманывать, а на другой день дал соответствующую головомойку и всему обществу за «дикую» школу и за все прочее. В своем постановлении крестьяне вновь просят дать им «учительку» и взялись сами выстроить школу.

Представьте себе 50 человек крестьянских детей, здоровых, красных, ютных. Вот уже три часа, как они, заткнув уши, истоиво кричат: кто—«ке», «ле», «ме», кто—«ме», «ле», «ке», «ме», «ле», «ке». И все это на разные голоса. Ведь правда, что оторопь возьмет проходящего мимо такой «школы». Куда до нее еврейской синагоге прошлого столетия. И почему-то мне думается, что все неблагополучие в наших ликбезах имеет уже добрую толику «ке», «ле», «ме».

Надо отбросить старину и основательно начать работу по новым современным методам обучения грамоте и письму. Пора же, наконец понять, что формальные знания следует прививать не путем бестолковой и глупой долбежки, а путем ряда педагогических проработок, путем комплексования всей школьной работы. В тех школах, в которых я побывал, занятия идут на русском языке, хотя некоторые педагоги и интересовались новыми хакасскими учебниками. Остальная работа как по поптпросвету, так равно и детдвижению, женотделу и т. д. движется слабо. В улусе Мажаре до моего приезда за все время существования советской власти не было ни одного женского собрания. И когда женщинам объявили, что их созывают на особое женское собрание, некоторые

«стеснились и говорили: «Да уж к добру ли это? Не война ли опять будет?» и т. д.

Кивут по-старому, справляют все обряды, с'езжие праздники и мертвечки напиваются при всяком случае. Оживление становится, когда из соседнего Березовского района, Ачинского округа, из с. Дубинной, приюсят к ним «Парасковей Пятницу», иконичу весом пудов в пятнадцать. С выпученными глазами, с багровыми от натуги лицами, мужики орут: «Парасковей девятая пятница, спаси, помидуй нас!» И лишь только пройдут с иконою, лишь только поп соверет обильную жатву, снова идет трудная и томительная жизнь.

Здесь мне вспоминается другое время и другая обстановка.

Это было в начале 1925 года. Я также ехал из Усть-Абаканска в Тебаки. На берегу Белого Июса, в хорошей таежной местности, я остановился в Гарчинском сельсовете. Рядом с советом школа; слышны голоса. Селение не знает ни «Парасковей Пятницы», ни безрассудной выпивки, ни прочих развлечений, которых так много среди обруселого, в смысле юнвичек, населения. Охота, рыбалка, лошади, овцы и т. п.— вот что занимает крестьян. Все это отражается и на работе школы и на всей психике данного селения, данного общества. В передней комнате живет хозяин хакасс с семьей: в другой школа. Комната сплошь уставлена партами, за которыми сидят дети. Впереди стол и стул молоденькой учительницы, только начинающей свою педагогическую деятельность. Тут же и кровать. Смущена моим посещением. После пяти-десяти минут разговора берет себя в руки, занимается. Школа, как школа. Одобительно поддерживаю молодую русскую учительницу, которую судьба занесла в далекий одинокий улус, чуждый ей по своей жизни. Вся ее отрада заключается в том, что она *все время*, кроме ночного сна, отдает детям. Она их учит и русскому языку, и сама кое-что начинает говорить по-хакасски.

«Мы даже некоторые песенки русские поем», заявила мне учительница, раскрасневшись от переживаний. «Да неужели?»— «Да, да поем», повторила она. «А ну-ка на прощанье что-нибудь», Учительница затвнула интернационал, хотя и оговорилась, что его только начинали разучивать. Спое-как закончили первые строфы. Едва закончив последние слова, она зачала обавурную, веселенькую песенку. Дети оживились. Коверкая слова, не слушая тона и мотива учительницы, они с веселыми лицами пели и даже покачивались и отбивали такт ногами:

«Мы слушали с Панькой пратам
 Та папша намур типяттам...

Тесела пыла нам,
 Тесела пыла нам» *).

Готов был смеяться, но положение требовало серьезности.

Похвалив за успехи и пение и детей и учительницу, я «песело» поехал дальше, повторяя слова песни, как «служил я с Ванькой братом та барже номер девятый» и как «весело было нам» и т. д.

Веселья, побольше веселья, веселой действительной жизни давайте и школу.

* У хакассов, как и шорцев, нет в произношении звука «в».